

МЕХАНИЗМЫ И ПРОДУКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

УДК 398.2

DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-2-104-129

Особенности свидетельствования о «трудном прошлом»: троп волшебной сказки в автобиографических нарративах потомков о поисках предков (на примере книги «С моих слов записано верно»)

Юлия В. Зевако

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия, zevakojulia@gmail.com*

Аннотация. В статье проблематизируется феномен кризиса свидетельствования о «трудном прошлом» в связи с уходом непосредственных участников и очевидцев событий, а также ростом потребности потомков этих людей к сохранению памяти о них и свидетельствованию от их имени. На примере книги «С моих слов записано верно» (2022 г.) автор анализирует повествовательную структуру двоянных рассказов героев книги (19 историй, преимущественно третьего и четвертого поколения), представленных описанием «личного опыта поиска репрессированных» предков и реконструкцией по документам их биографий. Автор пытается ответить на вопрос, что позволяет этим рассказам из уст потомков звучать как убедительные свидетельства от имени предков. Отталкиваясь от содержания текстов, в качестве аналитической рамки автор использует неочевидные для современных исследований памяти методы классической нарратологии, конкретно – «метод Проппа», который позволяет: 1) выявить «жанровое фреймирование» повествований потомков авторами книги; 2) раскрыть многослойность и многомерность смыслов, заложенных в текстах и усиливающих эффект свидетельства, посредством применения категорий и концепций, нетипичных для исследований памяти («мотивировка», «неполнота» / «недостаточность», «антагонист» и др.).

Ключевые слова: семейная история, «расширенная биография», автобиографический нарратив, нарративная структура свидетельства, В.Я. Пропп

© Зевако Ю.В., 2026

Дата поступления статьи: 26 июля 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 16 октября 2025 г.

Дата публикации: 26 июня 2026 г.

Для цитирования: Зевако Ю.В. Особенности свидетельствования о «трудном прошлом»: троп волшебной сказки в автобиографических нарративах потомков о поисках предков (на примере книги «С моих слов записано верно») // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2026. Т. 9. № 2. С. 104–129. DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-2-104-129

Specifics of “difficult past” testifying:
the trope of the fairy tale
in descendant’s autobiographical narratives
about searching for ancestors
(based on the book
“I declare that the foregoing is true and correct”)

Yulia V. Zevako

*Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of
Sciences, Yekaterinburg, Russia, zevakojulia@gmail.com*

Abstract. The article problematizes the witnessing the “difficult past” crisis phenomenon due to the passing away of historical events direct participants and eyewitnesses, alongside with the increasing responsibility or need among their descendants to preserve memory and testify on their behalf. Using the book “I declare that the foregoing is true and correct” (2022) as a case study, the author analyzes the narrative structure of paired accounts by the book’s protagonists: nineteen stories mainly representing the third and fourth generations. These accounts combine descriptions of the “personal searching experience for repressed ancestors” with biographical reconstructions based on archival documents. The author seeks to answer the question of what enables these descendant testimonies to function convincingly as credible acts of witnessing on behalf of their ancestors. Drawing on the content of the texts, the analytical framework employs *Propp’s methodology* which allows for: 1) identifying the genre framing of descendant narratives constructed by the book’s authors; and 2) uncovering the layered and multi-dimensional meanings embedded within the texts through the application of categories and concepts uncommon in memory studies, thereby enhancing the testimonial effect (such as “motivation”, “incompleteness” / “insufficiency”, “antagonist” and others).

Keywords: family history, extended biography, autobiographical narratives, narrative structure of testimony, V. Ya. Propp

Received: July 26, 2025

Approved after reviewing: October 16, 2025

Date of publication: June 26, 2026

For citation: Zevako, Yu.V. (2026), "Specifics of "difficult past" testifying: the trope of the fairy tale in descendant's autobiographical narratives about searching for ancestors (based on the book 'I declare that the foregoing is true and correct')", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 9, no. 2, pp. 104–129, DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-2-104-129

Постановка проблемы

В последние десятилетия для политики памяти европейских стран (включая Россию) свойственно смещение от прямого свидетельства к медиализированным формам сохранения прошлого, что обусловлено постепенным уходом поколений непосредственных участников исторических событий. Можно утверждать, что этот процесс порождает «кризис свидетеля» и, на фоне роста интереса к генеалогии и семейной истории, зафиксированного с 1990-х гг. и усилившегося благодаря цифровым технологиям и «архивной революции» с 2010-х гг., стимулирует поиск альтернативных режимов свидетельствования¹.

Работа с современными автобиографическими и семейными нарративами в рамках междисциплинарной области исследований памяти побуждает задаться следующим закономерным вопросом: каким образом и с помощью каких повествовательных структур рассказы потомков о произошедшем с их предками приобретают правомерность, авторитетность и убедительность свидетельства? Фокус на повествовательных структурах отсылает к неочевидным для memory studies методам фольклористики².

Мои размышления выстраиваются вокруг книги «С моих слов записано верно. Личный опыт поиска репрессированных родственников» (далее – Книга³), изданной Государственным музеем истории ГУЛАГа в 2022 г. и представленной на сайте издательства

¹ См.: Зевако Ю.В. Особенности свидетельствования о «трудном прошлом»: кризис свидетеля, «вторичный очевидец» и расширенная биография (в печати).

² О растущем интересе к анализу прошлого с точки зрения фольклора говорит проведенный 23–24 января 2025 г. в ИНИОН РАН круглый стол «Концептуализация памяти о прошлом: от свидетельства к фольклору» [Закревская 2025].

³ В дальнейшем при ссылке на источник в тексте в скобках указывается «Книга» и номер страницы.

как жанр «документальной прозы»⁴. Книга состоит из 19 сдвоенных историй потомков второго–пятого поколений от репрессированных предков, включающих повествования о собственных поисках семейной истории, а также реконструкции (прежде всего по архивным документам) биографий предков. «Сдвоенные повествования» сопровождаются серией фотографий, подчеркивающих связь между предком и потомком (прошлым и настоящим) через пространство, реликвии и документы, и обрамлены предисловием и послесловием.

Автобиографические нарративы и семейные истории

Автобиографические нарративы являются объектом междисциплинарного анализа в психологии, филологии, культурологии и социологии. В филологии представители классической нарратологии [Барт 1989; Пропп 2001] предложили структурные модели анализа повествования, предполагающие ряд обобщающих схем-сюжетов, которыми уже несколько десятилетий активно пользуются исследователи. Тот факт, что сами сюжеты и даже схемы построения «автобиографической прозы» глубоко укоренились в массовой культуре, которая стала посредником и транслятором их в частные автобиографические нарративы, позволяет рассматривать их как особую форму фиксации личного и коллективного опыта. Постклассическая нарратология расширила анализ до массовых и документальных форм самоповествования, включая изучение эмоциональных режимов и культурных контекстов [Fludernik 2009; Reddy 2001].

В современной теории центральным стал концепт нарративной идентичности [McAdams 2008], объединяющий когнитивные, феноменологические и культурно-лингвистические подходы, которые активно применяются в исследованиях семейных

⁴ См.: С моих слов записано верно: Личный опыт поиска информации о репрессированных // Музей истории ГУЛАГа. Книжная лавка. URL: <https://shop.gmig.ru/books/s-moikh-slov-zapisano-verno> (дата обращения: 14.06.2024). А.А. Тесля, рассуждая о жанре «документальной прозы», отмечает, что «документальная проза не имеет жесткой жанровой структуры», но при этом «текст является “документом”, т. е. свидетельствует (или претендует на свидетельствование) нечто, помимо него самого» (Книга, с. 8). Соответственно, автобиографические воспоминания, представленные в книге, и сама книга в целом (с предисловием, визуальным сопровождением и послесловием) предполагаются как свидетельствование, а вспоминающие – как свидетели [Тесля 2012].

историй и «семейных историков» как в России, так и за рубежом [Голубинов 2019; Граматчикова, Эльстон-Бирон 2017; Морозов, Слепцова (Кызласова) 2020; Nash 2002; Mason 2008; Bottero 2015; Barnwell 2019].

Тем не менее анализ семейных нарративов с точки зрения методов фольклористики встречается довольно редко и в большей степени касается сюжетов, связанных с Великой Отечественной войной и оккупацией [Матлин 2017; Закревская 2023].

В своем исследовании я предлагаю рассмотреть с точки зрения «тропа волшебной сказки» повествования потомков о своих репрессированных предках и выяснить, позволяют ли методы классической нарратологии понять что-то большее об особенностях свидетельствования о «трудном прошлом» – одной из важнейших тем в поле *memory studies*.

Нарративы потомков и «метод Проппа»

Последовательное прочтение истории за историей, представленных в Книге, позволило выявить в них наличие схожих и повторяющихся элементов, в общем и целом укладывающихся в разработанную В.Я. Проппом структуру волшебной сказки [Пропп 2001], которую С.Ю. Неклюдов полагает «эталонной повествовательной структурой»⁵. Несмотря на пессимистический взгляд некоторых социологов, филологов и фольклористов на «метод Проппа» как «выхоленную универсалию» [Рафаева и др. 2001], я полагаю, что для целей настоящего исследования обращение к этой идее может оказаться полезным и продуктивным. Предлагаемый анализ ставит целью не просто «продемонстрировать

⁵ С.Ю. Неклюдов в своих лекциях неоднократно подчеркивал, что метод В.Я. Проппа продемонстрировал «высокую продуктивность при анализе других традиций, далеких и от волшебной сказки, и от обряда инициации», что им «была уловлена какая-то более широкая и “сильная” закономерность... установлена общая объяснительная морфологическая система», «морфологическая формула», «модель», которая позволяет «заниматься конкретным изучением отдельных сюжетов, жанров, в конечном счете, – и отдельных текстов» (см.: *Неклюдов С.Ю. Как устроена волшебная сказка* (Расшифровка лекции «Владимир Пропп: от “морфологии” к “истории”» от 06 июля 2020 г.) // Gorky Media. URL: <https://gorky.media/context/kak-ustroena-volshebnaia-skazka/?ysclid=lx22ac4osm83506202> <дата обращения: 06.06.2024>; *Он же. Структура волшебной сказки* (05 января 2013 г.) // ПостНаука. URL: <https://postnauka.org/video/7065> <дата обращения: 13.06.2024>).

разложимость некоторого текста на последовательность элементов» [Рафаева и др. 2001, с. 225], а с помощью данного инструмента увидеть логики и механизмы, формы и языки организации повествований потомков о «трудных сюжетах» семейной истории и собственном трансцендентном опыте «встречи» с умершими предками (через посредство взаимодействия с аутентичной материальностью и содержанием документов и пространств).

Рассмотрение сдвоенных историй, представленных в Книге, как «расширенных биографий» потомков⁶ позволяет анализировать их как единое, пусть и сложно скомпонованное, повествовательное целое. Можно предположить, что форма организации текста, использование определенных языковых средств и повествовательных структур способствуют усилению убедительности свидетельства.

Троп волшебной сказки в нарративах потомков

Несмотря на индивидуальность каждой из 19 сдвоенных историй, их схожая структура позволяет осуществить их совокупный анализ на основе «метода Проппа» и с помощью простой поэтапной схемы проявить сложность, нелинейность и многослойность рассказов. Принцип «расширенной биографии» предполагает логику параллельно-пересекающегося соположения сдвоенных историй как двух линий единого повествования, тянущихся навстречу друг другу и благодаря диахронной перспективе позволяющих проблематизировать ключевые элементы: мотивировку героя, сущность «недостачи», фигуру «антагониста», характер борьбы героя с антагонистом и «встречу» «героя-искателя» и «пострадавшего героя».

Потомок =
«герой-искатель»

Предок =
«пострадавший герой»

(I) Исходная ситуация:

Представляет собой *бытование некоторого нарратива о репрессированном родственнике в семейной истории*, который формирует представление будущего героя-искателя о потенциальной недостатке. На этом этапе зарождается первичный интерес к данному

В.Я. Пропп отмечает: поскольку «сказка дальше дает внезапное наступление беды —...начальная ситуация дает *описание особого, иногда подчеркнутого благополучия*» [Пропп 2001, с. 27],

⁶ Подробнее о «расширенной биографии» см.: Зевако Ю.В. Особенности свидетельствования о «трудном прошлом»: кризис свидетеля, «вторичный очевидец» и расширенная биография (в печати).

фрагменту семейной истории. На активизацию исходной ситуации может влиять «усиленная форма отлучки» в виде «смерти родителей» [Пропп 2001, с. 27] (любимой бабушки, дедушки и др.), а также нахождение документов при разборе вещей после их смерти; рассказы, содержащие информацию об умершем предке, подвергавшемся репрессиям; рождение потомками собственных детей и т. д.

Бытование рассказов о репрессированных предках устроено по-разному:

а) в одних семьях не говорили ничего («Я не раз пыталась разузнать какие-то детали о детстве ее родителей, и бабушка всегда отвечала: “Мы об этом не разговаривали”» (М. Втюрина) (Книга, с. 212–213),

б) в других этого не скрывали («О том, что у нас были репрессированные родственники, я знала всегда <...> часто упоминали в разговорах...» (Е. Мартинкова) (Книга, с. 144–145);

в) в-третьих – целенаправленно не рассказывали («О том, что мой прапрадед... был репрессирован, я узнал случайно. Я еще застал свою прабабушку, его дочь <...> мы с ней много разговаривали...» (И. Яковлев) (Книга, с. 44), но всплывали в другие рассказы о жизни («Маленькой я много времени проводила вместе с бабушкой ...я была пытливым и постоянно приставала к взрослым: а расскажи про свое детство? ...бабушка мне многое об этом рассказывала... про дедушку она знала, что он куда-то пропал... И как-то эта история отложилась в моей детской памяти» (М. Втюрина) (Книга, с. 212), откликаясь на интерес, проявленный потомками к семейным артефактам («В детстве я жил с бабушкой в одной комнате. Помню, что у нас на полке стояла большая фотография ...я спросил, кто на ней изображен, и бабушка рассказала, что это ее папа... Его расстреляли, когда ей было всего шесть лет...» (В. Колтыгин) (Книга, с. 236) и т. д.

которое «служит конт-растным фоном для последующей беды» [Пропп 2001, с. 28]. В нашем случае происходит «перечисление членов семьи» будущего «пострадавшего героя», а также описание его жизни, в которой всё более или менее хорошо (герой имеет семью, у него часто много детей, он много и честно трудится, имеет достаток и т. д.):

«Мой прадед родился в крестьянской семье в 1882 г. ... Глава семьи занимался портновским ремеслом, которому впоследствии обучил и сына... В 1906 г. прадед женился... на крестьянке той же деревни, затем у них родился сын, потом ещё один... Дела у него шли неплохо, и в 1915 г. он приобрёл дом с надворными постройками...» (Книга, с. 26);

«Прапрадед работал на Александровской железной дороге... Всего у него было семеро детей – пять дочерей и два сына» (Книга, с. 56);

Таким образом, если в случае с потомком бытование нарративов о репрессированных родственниках в семейных историях характеризуется разной степенью неполноты и недостаточности («Вот и все обрывочные сведения, которыми я располагала» (А. Тяхт; Книга, с. 408)), имея потенциал к формулированию будущим «героем-искателем» внутреннего импульса к поиску, рассказ о предыстории «беды» со стороны будущих «пострадавших героев», наоборот, в большинстве случаев предстает как ситуация достатка и «полноты», как бы подчеркнуто противопоставляя исходную ситуацию и начало пути «навстречу» друг к другу предка и потомка.

(II) Запрет, с которым «обращаются к герою»:

В случае потомка это *не прямой запрет* в виде указания *«не делать так»*, а скорее бытование запрета в семье в косвенном виде – молчания или умолчаний («Никто – ни папа, ни мама, ни моя сестра – на тему ссылки деда в Магадан никогда не высказывались. Так было принято...» (М. Гаврилов; Книга, с. 371), связанных с имплицитно присутствующим страхом («В 1991 г., когда <дед> еще был жив, я собиралась ехать в Россию учить язык, но вся моя семья была против – они всё еще боялись» (Н. Тёрнер; Книга, с. 125); «Даже в 1990-х годах, в старости, <бабушка> предпочитала молчать. Думаю, она жила в страхе...» (П. Андреев; Книга, с. 356).

Несмотря на то что «наступление беды» «известным образом подготовлено», для будущего «пострадавшего героя», с одной стороны, беда нередко наступает постепенно, с другой – внезапно, неожиданно и непредсказуемо («Почему меня арестовали, я не знаю совершенно...»; Книга, с. 27), так как она может быть растянута во времени как череда внезапных бед, ведущих к «большой беде» (ссылке и/или расстрелу). Наступление «бед» предваряется «запретами» и/или «приказами», которые в рассказах представлены в виде серии ограничений со стороны органов власти – материальных, финансовых, правовых, которые впоследствии приведут к полному лишению субъектности предка.

В случае с потомками видно, что «недостаточность» – информации, документов, аутентичных артефактов, фиксируемая в исходной ситуации, является следствием запрета и указывает на его наличие. Реконструкция биографии предков и предыстории наступления «беды» раскрывают причины будущего бытования запрета в семье (молчания и страха), формирующих впоследствии у потомков ощущение «недостаточности» и потребность в ее восполнении.

(III) Герой нарушает запрет:

– т. е. по своей воле, желанию и инициативе начинает взаимодействовать с умалчиваемой частью семейной истории: расспрашивать о деталях, искать дополнительную информацию в сети Интернет и т. д. Героя могут побуждать к нарушению запрета разные мотивы (то, что В.Я. Пропп называет «мотивировками» [Пропп 2001, с. 69]), среди которых особенно выделяются *осознание «несправедливости»* в отношении людей, история которых забыта, а трагедия – не пережита» (М. Лоцманова) (Книга, с. 97), а также *чувство долга* перед умершими предками (прошлым) и перед своими потомками (будущим). «Нарушение запрета» означает также преодоление страхов, укоренившихся в семье («Как-то я прочитала, что можно попробовать запросить следственное дело. Если честно, были у меня какие-то опасения – нужно ли связываться с ФСБ? Я долго-долго думала – отправлять или не отправлять запрос, потом все-таки решилась и летом 2019 года написала в Центральный архив ФСБ» (Ю. Сидорова; Книга, с. 431).

Кроме страха перед органами власти, связанными с репрессивной политикой в прошлом (органы НКВД) и настоящем (органы ФСБ) («семейная память очень крепкая, она работает почти на генетическом уровне» (Е. Мартинкова; Книга, с. 151), это страх перед методами осуществления репрессивной политики («...деда Кирилла, служившего жандармом, вместе с другими находившимися при власти в Бессарабии, погрузили в вагон и отвезли на запасной путь, и этот вагон загорелся. Я ужаснулась – какой страшный конец...» (В. Нигай; Книга, с. 456), повторением прошлого в настоящем/будущем, перед содержанием документов прошлого (неизвестностью морально-этической стороны поведения самого предка, отраженной в документах, возможности развенчания семейных мифов и т. д.), перед собственными эмоциональными реакциями на содержание

Нарушение запрета героем позволяет «антагонисту... нарушить покой счастливого семейства, вызвать какую-либо беду, нанести вред, ущерб» (Книга, с. 28), то есть лишить (части) имущества, здоровья, работы/карьеры, семьи и т. д. На данном этапе речь идет о «предварительных бедах», которые подводят будущего «пострадавшего героя» (и его семью) к главной беде. Описание бед здесь также прямо или косвенно указывает на антагониста, который может иметь разные ипостаси и не всегда очевиден для будущего «пострадавшего героя» (например, если это донос, показания свидетелей и т. п.).

документов прошлого («Для меня пороговым стало переживание, когда она <бабушка>, перебирая карточки репрессированных, получила инсульт – это случилось у меня на глазах <...>». После этого случая сама я активных действий не предпринимала, но понимала, что продолжать поиски сведений о бабушкиных братьях необходимо» (Е. Мартинкова; Книга, с. 144–145).

«Мотивировки» нарушения запрета также дают косвенные указания на направления будущей борьбы с ним:

а) негодование от несправедливости забвения репрессированного предка/предков побуждает потомка «добыть» как можно больше информации и «вернуть память» о нем (Н. Тернер; Книга, с. 125), (М. Гаврилов; Книга, с. 383);

б) ощущение и осознание внутреннего долга перед предками (прошлым) и потомками (будущим) в воссоздании более целостного семейного нарратива побуждает потомков начинать, продолжать и расширять поиски семейных историй.

Важно отметить, что антагонист является нервом всего повествования и именно на этом этапе проявляется его сложность и многослойность в обеих линиях повествования.

IV (Антагонист пытается произвести разведку)
и V (Антагонисту даются сведения о его жертве):

Нарушение запрета сопровождается первыми попытками героя «произвести разведку». В.Я. Пропп указывает, что этап IV и этап V возможны в логике «*обратного или иного выведывания*» [Пропп 2001, с. 29]: «герой производит разведку об антагонисте/у антагониста и получает некоторые сведения об исходе и/или о самом антагонисте».

Сюда входят указанные выше *расспросы* родственников о деталях этой части семейной истории, *чтение* соответствующей тематической литературы, *поиск* информации в сети Интернет по известным ФИО предка, *исследование* документов

В отношении предка работает прямая логика, выделенная В.Я. Проппом: антагонист «выведывает» и получает необходимые сведения, позволяющие в будущем нанести вред своей жертве. Для предка этот этап, как правило, скрыт и обнаруживается потомками постфактум – из соответствующих справок,

в собственном семейном архиве («У нас есть родственница, она уже 20 лет занимается восстановлением семейного архива, работает над созданием родословной книги...» (Е. Мартинкова; Книга, с. 149) и первые (часто не очень продуктивные) попытки самостоятельного обращения в ведомственные и/или государственные архивы («Я отправил запрос в Службу государственной безопасности Республики Узбекистан <...> Шло письмо долго <...> Наконец в середине ноября 2019 г. мне пришел отрицательный ответ: данных у них нет» (Ю. Сидорова; Книга, с. 431).

доносов, протоколов допросов свидетелей («Отметили свидетели и то, что прадед получал из Германии материальную помощь в ответ на его “клеветнические письма”» (Книга, с. 106).

Таким образом, если антагонист в прошлом «выведывал» и собирал сведения о предке (эти сведения фиксировал и прятал в документах, а в семьях – скрывали через умолчание), то потомок в настоящем «обратным выведыванием» у условного «наследника» антагониста собирает обратно сокрытые от него сведения о своем предке, восполняя сформулированную для себя «недостачу».

(VI) Антагонист пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею или ее имуществом:

В случае с героем-потомком «имущество» можно интерпретировать как информацию о предке, содержащуюся в документах, и сами документы как аутентичную материальность, сохранившую следы физического прикосновения и отпечаток личности предка (через содержание ответов и пр.)¹. «Обман» в таком случае может состоять в:

а) разных способах ухода от выдачи полной информации: ссылаясь на законодательство, которое запрещает раскрытие определенного вида информации, антагонист (как представитель органов власти) может закрыть часть листов, отправить копии не всех листов, закрыть фамилии ряда лиц, присутствовать при чтении документов

В случае с предком этапы VI–VII не являются обязательными: либо повествование сразу переходит к этапу VIII, так как для жертвы действия антагониста в это время, как правило, не видны, либо упоминаются «маленькие беды» (когда арестовывали и выпускали, предписывали переехать, лишали части имущества и т. д.), ведущие к «большой беде».

Антагонист может обманывать свою жертву – будущего «пострадавшего героя»:

1) «принимая чужой облик» (например, облик

⁷ Подробнее об этом см.: [Грамотчикова, Зевако 2024].

либо затруднить доступ к документам в принципе («В июле 2015 года получил копии уголовного дела <...> Ни в одном из следственных дел не оказалось ни писем, ни фотографий, ни других личных документов» (П. Прокудин; Книга, с. 18); «Я получила копии материалов дела... мне прислали только малую часть» (В. Нигай; Книга, с. 460); а также

б) внутренней неготовности самого героя в полной мере взаимодействовать с прошлым (прошлое как антагонист).

сотрудника правоохранительных органов, под личиной которого был преступник, который «нарушал социалистическую законность» – что вскроется позднее, в процессе реабилитации); 2) «действуя путем уговоров»; 3) «действуя иными средствами обмана или насилия» («В воронежском деле я нашел свидетельство того, что дед действительно били на допросах: на 72-м листе есть капля крови» (Книга, с. 383).

Таким образом, если в прошлом у «пострадавшего героя» описывают и конфискуют имущество, воздействуют на его физическое и моральное здоровье, лишают его субъектности, тем самым «овладевая» им и его/ее имуществом, то в настоящем потомок пытается вернуть себе и предка, и (по возможности) утраченное имущество⁸. Если смотреть с точки зрения антагониста как персонажа (человека или инстанции, ведомства), то в прошлом он забирает, а в настоящем – сопротивляется возвращению того, что забрал: (полной) выдаче информации и/или компенсации.

(VII) Герой может поддаться обману и тем невольно помочь врагу:

– т. е. удовольствоваться той информацией, которую герой получил с помощью «обратного выведывания», и на какое-то время (при)остановиться в своих поисках («...я решил, что, видимо, найти ничего

– т. е. «согласиться на все уговоры антагониста» и/или «механически среагировать на применение волшебных

⁸ В Описях изъятого при обыске имущества довольно часто можно увидеть описание вещей, книг, рукописей, мебели, а также скотины, жилых и хозяйственных построек. В процессе реабилитации, начатом в 1950-е гг., пострадавшие от репрессий и их родственники могли претендовать на компенсацию изъятых ценных вещей (например, ювелирных украшений), но до недавнего времени не было принято компенсировать жилую площадь, с которой были выселены, а затем высланы репрессированные, и т. д. См.: Суд обязал мэрию Москвы купить квартиру «дочери ГУЛАГа» <13 января 2025 г.> // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/01/2025/678561b39a79476ece7ec137?ysclid=m9p5zjo916326630482> (дата обращения: 14.06.2024).

больше нельзя. И собственно, может быть, поэтому я 12 лет этим и не интересовался» (И. Яковлев; Книга, с. 47–48).

«Обратное выведывание» может дать «обратный эффект» («соответствующий ответ» [Пропп 2001, с. 29]): сконструированный «запретом» образ страшного антагониста в виде органов власти, отвечающих за репрессивную политику в современном государстве, и сотрудников, работающих в этой организации, подвергается первичному пересмотру (вместо ожидаемого «Я думал, напишут что-то вроде “Зачем вы вообще это ищете, почему мы обязаны вам это выдавать?”» (Е. Мязин; Книга, с. 483) – «на удивление, мне отовсюду ответили» (М. Лоцманова; Книга, с. 91), «ответили по форме, но достаточно мягко, не сухо» (Е. Мязин; Книга, с. 483), поскольку берет на себя некоторые функции помощника («Позднее сотрудница архива МВД Магаданской области, которой было поручено контактировать со мной, ...подказала, как получить остальные недостающие засекреченные листы, которые были в перечне...» (М. Гаврилов; Книга, с. 383). Другими словами, действуя согласно установленным регламентам работы (ответ на запрос сотрудники архива должны подготовить и отправить в течение 30 дней с момента регистрации входящего письма)⁹, представители ИЦ МВД, архивов ФСБ и МВД условно «выдают тайну», как и где можно получить интересующую информацию, консультируют о наличии документов, при отсутствии – где они могут находиться, в благоприятном случае – отправляют дело по месту нахождения потомка и предлагают подойти ознакомиться с ним, либо отправляют почтой копии страниц архивно-следственного дела («1 сентября 2020 г. из Владивостока я получила копии 13 листов

и иных средств» <см. этап IV>, в первую очередь насилия – т. е. понимая, что это неправда, добровольно написать «признания», дать показания, назвать имена, поставить подписи и т. д. («На последующих допросах тональность и стиль “его показаний” изменились, и он признал себя виновным в проведении антисоветской агитации» (Книга, с. 109).

Однако «пострадавший герой» может и не поддаваться обману – до последнего отрицая свою вину («Допрошенный по настоящему делу в качестве обвиняемого, Франтов виновным себя не признал, за исключением скрытия своего участия в белогвардейском отряде» (Книга, с. 445).

Это может происходить как на этапе «маленьких бед», так и уходить в «основную беду».

⁹ См.: Порядок использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах российской Федерации, утвержденный приказом Росархива № 143 от 1 сентября 2017 г. (п. 182).

из архивного уголовного дела» (Н. Тёрнер; Книга, с. 127); «Через месяц я получила большой конверт из архива МВД по Республике Коми, где лежали черно-белые копии материалов личного дела» (Т. Ильченко; Книга, с. 289).

Таким образом, на данном этапе можно зафиксировать более точную локализацию антагониста – в прошлом: именно в прошлом он успешно забирает субъектность предка будущего «героя-искателя» и его имущество, успешно скрывает/не выдает (часть) «забранной» информации/имущества потомку, но в то же время в настоящем в одной из своих ипостасей фигура (предполагаемого) антагониста может смещаться к фигуре помощника.

[VIII] «Вред или ущерб» (или «хищения в иных формах»), который «антагонист наносит одному из членов семьи»:

Более четкая локализации антагониста помогает потомкам *лучше осознать и сформулировать* тот <VIII> «вред или ущерб» (или «хищение в иных формах»), который «антагонист наносит одному из членов семьи» [Пропп 2001, с. 33] в прошлом, а через него – поколение за поколением – потомку «герою-искателю» в настоящем. Именно этот «вред или ущерб» переживается потомком как ощущение «недостачи», «нехватки» чего-либо – <VIIIa> [Пропп 2001, с. 33] и «определяет собой следующий момент завязки: [герой] отправляется на поиски» [Пропп 2001, с. 34].

«Вред или ущерб»:

а) в отношении предка в прошлом осознается как лишение имущества, здоровья, достоинства, жизни («Недавно мы нашли маленькую фотографию прадедушки. На обратной стороне подписано “Гая, это твой папа” <...> на снимках 1950-х прадеду 54 года, а выглядит он на 70» (Е. Мязин; Книга, с. 486),

б) для его родственников – как лишение достойных условий существования через прикрепление стигмы «врага народа» с соответствующими социальными, политическими и иного рода последствиями

Для предка происходит «главная беда» – арест. Жертва – предок – подвергается разным формам вредительства со стороны антагониста, который:

– «осуществляет хищение» (имущества): «я открыла первый лист, увидела описание имущества, изъятого при аресте деда, и у меня полились слезы... Печатная машинка, счетная машинка, бинокль, 100 долларов в одной купюре с таким-то номером, книги, альбомы с фотографиями – все такое личное, домашнее...» (Книга, с. 263);

– «наносит телесные повреждения»: «Каким способом были получены эти признания или подписи под ними, остается догадываться –

и ограничениями («Из всех детей среднее образование смогли получить только двое... Остальные имели по 2–3 класса образования... Ходить в школу им было тяжело — их обижали, обзывали «врагами народа» и даже избивали. Не выдержав унижений, они сами бросили учебу» (А. Тяхт; Книга, с. 421),

в) для потомка в настоящем — как «хищение» самого предка через ограничение/лишение доступа к документам и информации о нём, на которую рассчитывает и в которой нуждается потомок («Тема репрессий меня никогда не отпускала...» (В. Нигай; Книга, с. 456).

В.Я. Пропп отмечает, что «первые семь функций могут рассматриваться как *подготовительная часть* сказки» [Пропп 2001, с. 31]; они могут либо быстро завершиться (в нашем случае — отказом потомка от дальнейших поисков), либо растянуться во времени (отложенный поиск через некоторое время может быть возобновлен). Как правило, мы имеем дело со вторым случаем, и этап

VIIa — «осознание недостатчи»:

«открывает завязку» [Пропп 2001, с. 31] и проясняет мотивировки возобновления поиска и отправления в путь («К новым поискам меня подтолкнула смерть моей бабушки, маминой мамы... Когда бабушка ушла, я понял, что эту связь надо восстанавливать, что память надо сохранять» (И Яковлев; Книга, с. 46).

Таким образом, «утраченными» и желаемыми к возвращению обозначаются

а) информация о предке («После изучения документов я поняла, что информации недостаточно, получена лишь выжимка из дела» (Е. Мартинкова; Книга, с. 151),

б) целостность семейного нарратива («Вскоре пришел ответ: прадед как репрессированный по политической статье не мог участвовать в военных действиях, даже в штрафном подразделении. И тогда я окончательно поняла, что пора и мне узнать,

на листах рукописного протокола можно найти явные следы крови...» (Книга, с. 394);

— «приказывает убить»: «Братьев осудили по ст. 57 п. 2, 7, 10, 11 УК РСФСР

и расстреляли 11 марта 1938 года» (Книга, с. 419);

— «заточает, задерживает»: «После четырех лет самоотверженной работы его отстранили от должности, а 20 апреля 1937 г. арестовали» (Книга, с. 196–197);

— «мучает по ночам»: «Практически всегда Бориса Александровича вызывали на допрос позже 11 вечера, возвращался он в 4 утра, а иногда и в час ночи вызывали, в 6 часов утра возвращали» (Книга, с. 435–436).

Таких предков-жертв, будущих «пострадавших героев», в семейной истории потомка может быть несколько — в этом случае линия каждого рассматривается и рассказывается самостоятельно (Книга, с. 138–181).

что же произошло с прадедом и почему семья развалилась. Так началась моя история поиска» (А. Тяхт; Книга, с. 409),

в) основы для самоидентификации («Почему я решил этим заняться? Наверное, потому что мне больше всех надо <...> мне нужны ответы на вопросы самому себе и ближайшему окружению: “Зачем мы живем?”, “В чем смысл жизни?”» (П. Прокудин; Книга, с. 17).

Таким образом, этап VIII–VIIIа проявляет момент четкого осознания потомком недостачи и желания эту недостачу восполнить – герой формулирует, что он хочет «выведать» и за чем отправляется в путь: узнать, *как* наносился «вред и ущерб», *как* происходило «хищение» предка, *как* он себя в тех условиях проявлял и т. д.

(IX) «Беда или недостача сообщается...», «к герою обращаются с просьбой или приказанием, отсылают или отпускают его». При этом В.Я. Пропп подчеркивает, что «герои сказки могут быть двойными»: 1) «герои-искатели» (в нашем случае это потомки) и 2) «пострадавшие герои» (в нашем случае это репрессированные предки).

«Беда или недостача» сообщается герою частями – на этапе (I) «Исходная ситуация» и на этапах (IV–V) «Обратное выведывание» и «Ответ». Отправление героя в путь связано не с внешним, а с внутренним импульсом, то есть герой сам обращается к себе и формулирует некоторое долженствование («Я подумал: раз можно ему, то почему же нельзя мне?» (М. Гаврилов; Книга, с. 381); «Я тогда подумал: почему они знают, а я не знаю?» (Е. Мязин; Книга, с. 483)).

К «пострадавшему герою» «обращаются с просьбой» (уговаривают?), чаще – «приказывают» дать признательные показания и «отсылают» его в «путь»: либо на расстрел (тогда путь «пострадавшего героя» на этом заканчивается), либо в лагерь – здесь могут быть разные варианты:

а) отложенная гибель через время – только уже в лагере;

б) попытка борьбы с антагонистом с помощью жалоб и «писем во власть» и попытка перерождения в «героя-искателя» справедливости, но не реализованная ввиду отложенной гибели в лагере: «С 1943 г. Евгений Орестович пытался добиться снятия судимости. Как он объясняет в письме Сталину от 3 ноября 1946 г. ... <но> получил отказ в снятии судимости» (Книга, с. 78–79);

в) выход из лагеря и попытка забыть «приключения» (злключения);
 г) выход из лагеря и перерождение из «пострадавшего героя» в «героя-искателя» – инициирование процесса собственной реабилитации и реабилитации родственников: «Бабушка отбыла в лагере восемь лет. В Москву ей удалось вернуться только после того, как она получила справку о реабилитации в 1957 г.» (Книга, с. 264).

Таким образом, каждый герой отправляется в собственный «путь»: потомок-искатель идет за «встречей» (навстречу) к «пострадавшему герою». Путь этот диахронной и одновременно – физический и метафизический.

С (X) по (XV) этапы, т. е. с уточнения координат пути и до момента «встречи», в исследуемом корпусе текстов в фокусе внимания оказывается прежде всего «герой-искатель».

(X) «Искатель решается на противодействие» [Пропп 2001, с. 38] и происходит повторное «нарушение запрета» (этап II) на более осознанном и деятельном уровне: герой не просто решается на *взаимодействие с данной частью семейной истории, но проявляется через активное и целенаправленное действие*: начинает искать возможности получения «похищенной»/ «недостаточной» информации о предке в логике «обратного выведывания» (V–VI этапы), но уже не «поддаваясь обману» (этап VII), а упрямо двигаясь к поставленной цели – восполнению «недостачи». Фактически, этапы VIII–X составляют своеобразный второй круг активизации героя и побуждения его к действию. Успешность «противодействия» и достижения цели связана с *обращением потомка к специалистам/специализированным организациям и просто более знающим людям за помощь*.

(XI) Герой покидает дом и далее развивается ход событий – «в сказку вступает новое лицо, которое может быть названо дарителем или... снабдителем» [Пропп 2001, с. 38]¹⁰. Для «героя-искателя» в качестве «дарителей» и «снабдителей» могут выступать

¹⁰ В.Я. Пропп отмечает, что «отправки героев-искателей и героев пострадавших... различны – первые имеют целью поиски, вторые – открывают начало того пути без поисков, на котором героя ждут различные приключения» [Пропп 2001, с. 38], в нашем случае – «приключения» / злключения (если предок был осужден к ИТЛ).

организации, отдельные люди или даже информационные ресурсы, помогающие родственникам и потомкам в поисках информации о репрессированных предках («в Центре документации мне подсказали...» (И. Яковлев) (Книга, с. 49), «В поиске родственников мне очень помогла жена прабабушкиного племянника...» (И. Яковлев) (Книга, с. 50), «Я решил обратиться в Музей истории ГУЛАГа за консультацией...» (А. Демонтфорт; Книга, с. 69).

«Даритель» (XII) «2) приветствует и выспрашивает героя» [Пропп 2001, с. 39] перед тем, как дать ему «волшебное средство или помощника»: потомка расспрашивают о том, *какова его «исходная ситуация»* (этап I), *что он успел «выведать» у своих родственников и у антагониста* (этапы III–V) (очень часто в рассказах этот этап не раскрывается подробно, так как его содержание уже было обозначено ранее; его можно реконструировать по таким словам, как «обратился», «рассказал» и т. д.: «Я рассказала все, что знала о братьях Новицких, показала документы из семейного архива...» (Е. Мартинкова; Книга, с. 149).

При этом (XIII) «Герою... предоставляется возможность оказать услугу» [Пропп 2001, с. 41], которая в нашем случае становится *обещанием оказания услуги в будущем – после победы над антагонистом и возвращения* (этапы XVIII–XIX): это обещание передать часть «добытого» у антагониста (копии архивных документов, фотографий и пр.) «дарителю»: «После длительной переписки с архивом мне удалось частично получить причитающиеся мне копии следственного дела, которые я передал в архив Музея истории ГУЛАГа» (В. Колтыгин; Книга, с. 239–240).

Таким образом (XIV) «В распоряжение героя попадает волшебное средство», которым могут быть «2) предметы, из которых являются волшебные помощники...; 3) предметы, имеющие волшебное свойство...; 4) качества, даруемые непосредственно, как, например, сила, способность превращаться в животных и т. д.» [Пропп 2001, с. 44]. В нашем случае предметы нужно трактовать иносказательно: предметами-волшебными помощниками, которые «даритель может ...передать, указать..., дать герою найти и т. д.» [Пропп 2001, с. 45], оказываются алгоритмы поиска репрессированных, шаблоны писем в архивы, уточнение конкретных фондов и описей – т. е. того, что помогает героям-потомкам более эффективно заниматься «обратным выведыванием» и не «обманываться» уловками антагониста в разных его ипостасях («Я получил (от руководителя Центра документации ГМИГ. – Ю. З.) письмо с рекомендациями и адресами архивов» (А. Демонтфорт; Книга, с. 69), «<сотрудник> Центра документации дала мне подробные рекомендации по поиску» (Е. Мартинкова; Книга, с. 149); «У меня с собой были документы, которые позволили сотрудникам соста-

вить алгоритм поиска...» (Т. Ильченко; Книга, с. 287). «Даруемые качества» – личные качества самих потомков, которые усиливаются наличием волшебных помощников: терпеливость, настойчивость, уверенность в своей правоте, удача, а также знания, как и где искать («Главное, я узнала, куда мне следует обращаться... Мне стала ясна логика, где искать» (Н. Тернер; Книга, с. 126); «Теперь я знала, что делать» (В. Попцова; Книга, с. 336).

В.Я. Пропп отмечает, что с этого времени основные действия совершает помощник (в нашем случае – алгоритм поиска, шаблон письма в архив и т. д.), но стержень рассказа создают указанные выше «намерения героя» [Пропп 2001, с. 47] – восполнение «недостачи» и возвращение «похищенного».

Далее по логике В.Я. Проппа (XV) «Герой переносится, доставляется или приводится к месту нахождения предмета поисков» [Пропп 2001, с. 48]. В нашем случае это большая и важная часть повествования, посвященная рассказу о перемещениях самого героя – поездки в другие города/страны, посещение архивов и мест жизни предков, либо перемещение самих артефактов, содержащих искомую «недостачу», ближе к герою. Однако особенность исследуемой повествовательной конструкции заключается в том, что перед тем как герой встречается с «предметом поисков», он возвращается на уровни IV–V – «обратное выведывание» и «соответствующий ответ», и с помощью «волшебных средств» и собственных усиленных свойств «добывает» или уточняет координаты будущего перемещения («Прежде чем отправиться в Архангельск, я снова написала письмо в УФСБ России по Архангельской области, заказала архивные следственные дела и созвонилась для уточнения даты визита...» (М. Лоцманова; Книга, с. 92).

Таких маятниковых движений между указанными этапами может быть несколько. По форме они в некоторой степени напоминают «ходы» сказки, но по внутренней логике – являются скорее испытаниями, трудностями и препятствиями на пути к достижению цели – борьбой с антагонистом и «встрече» с предком-«пострадавшим героем», которая становится кульминацией всего повествования.

(XVI) этап – «Герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу». Многослойность и многоаспектность антагониста, выявленная ранее, обуславливает многогранность и многоплановость самой борьбы: это чтение документов и внутреннее сопротивление их содержанию, большая палитра эмоциональных переживаний, появляющиеся осмысления и пр. Во время взаимодействия с аутентичным содержанием, аутентичным артефактом и аутентичным пространством происходит *борьба героя с прежним пониманием прошлого*,

с убедительностью текстов документов, с трудностями доступа и чтения. Кроме того, это момент «встречи» «героя-искателя» и «пострадавшего героя», когда предок получает возможность проявиться перед потомком. Антагонист, заключенный в прошлом, через свидетельство документа оказывается вынужденным открывать тайны сокрытого ранее:

б) о соседях, сослуживцах, знакомых («В деле приводятся показания «очевидцев», свидетельствовавших против прадеда... Как бы мне хотелось посмотреть в глаза этим “свидетелям” и спросить: “Как вы могли?”» (А. Тяхт; Книга, с. 410);

в) о государственной системе («Согласно семейному преданию, дедушку и бабушку с детьми забирали ночью. На сборы дали несколько минут – что можно успеть за это время собрать?» (В. Нига́й) (Там же, с. 458);

г) о следователях и методах следствия («На меня сильнее всего подействовало упоминание о пытках в прошении дедушки о пересмотре дела в 1939 г.» (В. Попцова; Книга, с. 337);

д) о лагерной системе («Через несколько лет семья узнала, что, пока шел ответ, дедушка уже умер в лагере от истощения» (В. Попцова; Книга, с. 336);

е) об отношении к человеку («Когда читала следственное дело, меня возмутило отношение к прадеду. При аресте у него изъяли массу документов, фотографий, каких-то его преподавательских разработок. И буквально через несколько месяцев, когда он не был еще толком обвинен, осужден – то есть он фактически был невиновным человеком, только подозреваемым, – следствием были уничтожены все его личные вещи...» (Ю. Сидорова; Книга, с. 432);

ж) о собственных страхах в отношении прошлого («После получения конверт еще долго лежал, в течение недели никто не решался его открыть. Мама отказывалась взглянуть на фотографию Дмитрия, которую прислали вместе с делом. Она была даже против обращения в архив. Для нее это было

(а) о предках и их личных качествах («В одной из анкет, заполненной рукой деда, есть упоминание о его родственниках в Швеции и Эстонии, с которыми он “со времени своей подпольной революционной работы связей не имеет”. Мои эстонские родственники, когда мы только познакомились, спрашивали: почему же дед ни разу не дал о себе знать, не написал ни одного письма родным? А теперь мне стало понятно – чтобы не подводить своих родителей, братьев и сестер. Если бы узнали, что он переписывается с ними, его бы арестовали и расстреляли еще раньше, и пострадала бы его семья. Дед был умным человеком, он их оберегал, и не писал не потому, что забыл, а потому, что очень любил» (В. Грюнберг-Иванникова; Книга, с. 263);

з) о силе родственной связанности («Когда я увидела семейную фотографию, была просто поражена, насколько моя мама похожа на свою бабушку и тетю в зрелом возрасте – не нужно никакой генетической экспертизы» (В. Грюнберг-Иванникова; Книга, с. 262);

тяжело <...> Я первая собралась с духом и прочитала документы. Остальные члены семьи поддерживали меня и тоже вскоре ознакомились с материалами дел. И наступило какое-то облегчение...» (Е. Мартинкова; Книга, с. 150).

«Получив на руки документы, я испытала такое чувство, будто я дедушку похоронила. Но вместе с этим пришло и успокоение» (Н. Блинкова; Книга, с. 314).

Таким образом, именно «встреча», за которую или в процессе которой потомок борется с антагонистом во всех его ипостасях, становится основанием для будущего свидетельствования и о предке, и о самой борьбе.

Этапы с (XVII) по (XX) – это (частичная) победа «героя-искателя» над антагонистом и возвращение:

(XVII) Героя метят – в нашем случае это *ощущение* своеобразной *отмеченности темой*, ощущение причастности этой истории и желание как-то об этой истории говорить (например, участвуя в создании Книги);

(XVIII) Антагонист побеждается – «добывается» и восполняется «недостача», то есть новая информация, которая подтверждает, опровергает или дает новое представление об искомом сюжете семейной истории;

(XIX) Начальная беда или недостача ликвидируется – потомок получает необходимую информацию («более 90 % того, что мне известно на сегодняшний день, я узнал из архивных материалов и исторической литературы» (П. Прокудин; Книга, с. 21); «...сколько информации таят в себе архивы <...> если постараться, можно действительно “собрать” путь человека» (М. Лоцманова; Книга, с. 97); но, как правило, она неполная и побуждает поставить новые вопросы и сформулировать следующий запрос, то есть новую «недостачу» – если какой-то важный для героя вопрос был не решен («Хотелось бы, чтобы мне открылись страницы нормальной жизни прадеда – с детьми, с семьей, с друзьями» (П. Прокудин; Книга, с. 21), «вопросов остается много» (Е. Мартинкова; Книга, с. 253).

(XX) Герой возвращается – вновь оказывается в своем месте-времени, но уже обогащенный неким материальным и нематериальным знанием о своем предке, с чувством восполненной недостачи, собственной наполненности и целостности (то есть *происходит внутренняя трансформация героя*), придающей внутреннюю уверенность и право свидетельствовать за/от имени предка.

Кроме того, герой-искатель возвращается к этапу (XIII) и выполняет обещание – оказывает услугу, тем самым также свидетельствуя как о предке, так и пройденном пути «борьбы с антагонистом».

Заключение

1. Анализ текстов показал активное использование авторами Книги «жанрового фреймирования», в качестве которого выступил «троп волшебной сказки» (В.Я. Пропп).

2. Структурные элементы волшебной сказки в силу сдвоенности повествований и осмысления потомками семейной истории как «расширенной биографии» имеют существенные смысловые особенности, нехарактерные для фольклорных текстов:

- ключевым повествованием в «сдвоенных историях» является повествование потомков о собственных поисках «семейных историй», в то время как реконструкции биографий предков играют менее самостоятельную роль и скорее подчеркивают элементы, наиболее значимые для первого рассказа: а) недостаточность/неполнота – достаток/полнота; б) антагонист, который имеет много ипостасей (в прошлом и настоящем), часть из которых расщепляется и складывается в диалоге двух историй; в) «приключения» (злокключения) тела и духа/души потомков и предков на пути друг к другу;
- рассказ потомков о своих поисках семейной истории и репрессированных предках, несколько перестраивая логику повествовательной структуры, носит более иносказательный характер и нередко представлен в перевернутом виде «обратной» логики;
- успешное «обратное выведывание», как правило, связано с деятельностью помощников, которыми становятся в том числе персонажи, изначально воспринимаемые как антагонисты. В то же время антагонисты оказываются не столь очевидными, как это могло бы показаться на первый взгляд (кроме персонажей, антагонистом может оказаться содержание документов, само время и др.);
- благодаря идее «расширенной биографии» мы можем одновременно следить за «приключениями» (злокключениями) «героя-искателя» и «пострадавшего героя» (и/или наблюдать эволюцию «пострадавшего героя» в «героя искателя») при сохранении выделенных В.Я. Проппом основных элементов «волшебной сказки». Такая повествовательная структура придает особую убедительность рассказу потомков как свидетелей прошлого «за предков»/«от имени предков»;
- последовательное рассмотрение «сдвоенных историй» по «методу Проппа» позволило выявить закольцованные сюжеты-связки, в которых за сложными и многослойными повествованиями можно увидеть единую логику (утраты и борьбы за возвращение), разворачивающуюся в несколько ходов;

е) полезными для изучения «семейных историков» и семейных нарративов в рамках *memory studies* оказались категория «недостаточности» (как «мотивировки» начала реконструкций биографий предков и стремления «встретиться» с ними), а также многослойная категория антагониста, помогающая выявить разного рода трудности и препятствия в «выведывании» семейных историй;

- кроме того, можно выделить некоторые любопытные особенности, которые, «выпадая» из классической схемы жанра «волшебной сказки», помогают лучше рассмотреть внутреннюю фактуру рассказов:

анализируемые повествования принципиально психологичны;

история главного героя оказывается историей не про уникальность и избранничество, а про возможность каждому желающему пройти такой путь и стать «героем-искателем» собственной семейной истории;

«герою-искателю» не угрожает смерть, а «пострадавший герой» уже умер, однако нерв повествования строится вокруг «встречи» потомка и предка в «тридевятом царстве» через материальность и аутентичность документов и пространств, которые повествуют об испытаниях, страданиях и нередко о насильственной смерти. Кульминацией всех повествований становится своеобразное «оживление» предка – через реконструкцию его биографии, воображения мотивов поступков и решений, испытанных потомком эмоций по отношению к предку во время поисков информации о нем и встраивание всех этих элементов в семейную историю и автобиографию потомка. Соответственно, в рамках «расширенной биографии» умерший предок («пострадавший герой») благодаря усилиям потомка («героя-искателя»), во-первых, «возвращается», во-вторых, возвращается «живым»/«оживленным».

В заключение необходимо отметить, что неочевидное «жанровое фреймирование» авторами Книги сдвоенных историй потомков через «троп волшебной сказки» представляется удачной повествовательной конструкцией для описания потомками «трудных сюжетов» своей семейной истории, работа с которыми связана с личным трансцендентным опытом целенаправленного «пути» и «встречи» потомка с умершим предком (своеобразное путешествие в «тридевятое царство»), а также его метафизической трансформации. Благодаря тропу волшебной сказки рассказы потомков и пережитый ими опыт приобретают в Книге не ореол религиозной и мистической экстазики и театральной драматизации, а убедительность документальных свидетельств.

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Природно-материальные и социокультурные пространства в историческом контексте: механизмы формирования и трансформации», рег. номер 124032100048-9

Acknowledgments

This research was carried out with financial support from the subsidy for the state assignment to the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; the research theme is «Natural-Material and Sociocultural Spaces in a Historical Context: Mechanisms of Formation and Transformation», registration no. 124032100048-9

Литература

- Барт 1989 – *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Голубинов 2019 – *Голубинов Я.А.* Эго-документы как способ конструирования личной и семейной истории: случай Петра и Михаила Герасимовых // *Genesis: исторические исследования.* 2019. № 2. С. 26–36.
- Грамотчикова, Эльстон-Бирон 2017 – *Грамотчикова Н.Б., Эльстон-Бирон И.О.* Метаморфозы семейной истории: от Сигитовых к Эльстон-Биронам // *Сибирские исторические исследования.* 2017. № 3. С. 192–220.
- Грамотчикова, Зевако 2024 – *Грамотчикова Н.Б., Зевако Ю.В.* Эмоции в автобиографической памяти: герои и жертвы разных поколений // *Laboratorium: журнал социальных исследований.* 2024. Т. 16. № 1. С. 23–50.
- Закревская 2023 – *Закревская Е.А.* Фольклорные модели в устных историях об оккупации: сценарии нарративизации и способы комбинации мотивов // *Фольклор: структура, типология, семиотика.* 2023. Т. 6. № 2. С. 69–96.
- Закревская 2025 – *Закревская Е.А.* Круглый стол «Концептуализация памяти о прошлом: от свидетельства к фольклору» // *Фольклор: структура, типология, семиотика.* 2025. Т. 8. № 3. С. 179–184.
- Матлин 2017 – *Матлин М.Г.* Система мотивов в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья о голоде 1941–1945 гг. // *Научный диалог.* 2017. № 9. С. 42–54.
- Морозов, Слепцова (Кызласова) 2020 – *Морозов И.А., Слепцова (Кызласова) И.С.* «Ключ от дома бабушки»: предметные и визуальные нарративы в пространстве семейной памяти // *Сибирские исторические исследования.* 2020. № 2. С. 276–297.

- Пропп 2001 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
- Рафаева и др. 2001 – *Рафаева А.В., Рахимова Э.Г., Архипова А.С.* * Еще раз о структурно-семиотическом изучении сказки // Структура волшебной сказки: сб. статей / под ред. Е.М. Мелетинского. М.: РГГУ, 2001. С. 199–233. (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика)
- Тесля 2012 – *Тесля А.А.* Документальная проза: проблема и история жанров // Ученые заметки ТОГУ. 2012. Т. 3. № 1. С. 7–17.
- Barnwell 2019 – *Barnwell A.* Convict shame to convict chic: Intergenerational memory and family histories // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. No. 4. P. 398–411.
- Bottero 2015 – *Bottero W.* Practising family history: “Identity” as a category of social practice // *British Journal of Sociology*. 2015. Vol. 66. No. 3. P. 534–556.
- Fludernik 2009 – *Fludernik M.* An introduction to narratology. L.: Routledge, 2009. 200 p.
- Mason 2008 – *Mason J.* Tangible affinities and the real life fascination of kinship // *Sociology*. 2008. Vol. 42. No. 1. P. 29–45.
- McAdams 2008 – *McAdams D.P.* Personal narratives and the life story // *Handbook of personality: Theory and research* / ed. by O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 241–261.
- Nash 2002 – *Nash C.* Genealogical identities // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2002. Vol. 20. No 1. P. 27–52.
- Reddy 2001 – *Reddy W.M.* The navigation of feeling: A framework for the history of emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 2001. 380 p.

References

- Barnwell, A. (2019), “Convict shame to convict chic: Intergenerational memory and family histories”, *Memory Studies*, vol. 12, no. 4, pp. 398–411.
- Bart, R. (1989), *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics and poetics], Progress, Moscow, USSR.
- Bottero, W. (2015), “Practising family history: ‘Identity’ as a category of social practice”, *British Journal of Sociology*, vol. 66, no. 3, pp. 534–556.
- Fludernik, M. (2019), *An introduction to narratology*, Routledge, London, UK.
- Golubinov, Ya. A. (2019), “Ego-documents as a means of constructing personal and family history: The case of Petr and Mikhail Gerasimov”, *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 26–36.
- Gramatchikova, N. B. and Elston-Biron, I.O. (2017), “Metamorphoses of family history: From the Sigitovs to the Elston-Birons”, *Siberian Historical Research*, no. 3, pp. 192–220.
- Gramatchikova, N.B. and Zevako, Yu.V. (2024), “Emotions in autobiographical memory: Heroes and victims across generations”, *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 16, no. 1, pp. 23–50.

* Министерством юстиции России внесена в список физических лиц – «иностранных агентов».

- Mason, J. (2008), "Tangible affinities and the real life fascination of kinship", *Sociology*, vol. 42, no. 1, pp. 29–45.
- Matlin, M.G. (2017), "System of motifs in oral stories of rural population of the Ulyanovsk Volga Region about the famine of 1941–1945", *Nauchnyi dialog*, no. 9, pp. 42–54.
- McAdams, D.P. "Personal narratives and the life story", in John, O.P., Robins, R.W. and L.A. Pervin, eds., *Handbook of personality: Theory and research*, Guilford Press, New York, USA, pp. 241–261.
- Morozov, I.A. and Sleptsova (Kyzlasova), I.S. (2020), " 'The key to grandfather's house': Material and visual narratives in the space of family memory", *Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 276–297.
- Nash, C. (2002), "Genealogical identities", *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 20, no. 1, pp. 27–52.
- Propp, V.Ya. (2001), *Morfologiya volshebnoi skazki* [Morphology of the fairy tale], Labirint, Moscow, Russia.
- Rafayeva, A.V., Rakhimova, E.G. and Arkhipova, A.S.* (2001), "Once again on the structural-semiotic study of the fairy tale", in Meletinsky, E.M., ed., *Struktura volshebnoi skazki: sbornik statei* [The structure of the fairy tale: Collected articles, RGGU, Moscow, Russia, pp. 199–233. (*Traditsiya – tekst – fol'klor: tipologiya i semiotika*)
- Reddy, W.M. (2001), *The navigation of feeling: A framework for the history of emotions*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Teslya, A.A. (2012), "Non-fiction: the problem and the history of genres", *Uchenye zametki TOGU*, vol. 3, no. 1, pp. 7–17.
- Zakrevskaya, E.A. (2023), "Folk models in stories about the occupation during the Great Patriotic War. Narrativization scenarios and the ways of combining motifs", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 2, pp. 69–96.
- Zakrevskaya, E.A. (2025), "The round table 'Conceptualization of memory of the past: from testimony to folklore'", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 3, pp. 179–184.

Информация об авторе

Юлия В. Зевако, кандидат политических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия; 620108, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16; zevakojulia@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7656-0141

Information about the author

Yulia V. Zevako, Cand. of Sci. (Political Sciences), Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia; 16, Sofia Kovalevskaya St., Ekaterinburg, Russia, 620108; zevakojulia@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7656-0141